

В частном клубе пахло дорогой кожей, сигарами и выдержанным виски, а свет приглушённых ламп мягко дрожал на полированном дереве, словно боялся потревожить этот мужской покой. Где-то в дальнем углу тихо, словно нехотя, наигрывал джаз, и несколько друзей собрались вокруг Лу Тинфэна, пытаясь вытащить его из той чёрной дыры, в которую он сам себя загнал. Узнать, где он сейчас, Чжао Либин удалось только через его друга детства, Кэ Цзюньцзе.

Чжао Либин, недолго думая, разыграла проверенную карту: шепнула пару слов знакомым папарацци, велела им затаиться в тени и ждать своего часа, а сама оделась нарочито скромно, даже аскетично, без намёка на роскошь, только естественность, только чистота. От неё пахло лёгкими цветочными духами, и в этом облике она вошла в клуб.

Знакомый администратор, не задавая лишних вопросов, провёл её через полупустой зал, где под ногами глухо поскрипывал старый паркет, прямо в комнату, где сидела компания.

Лу Тинфэн, откинувшись на спинку дивана, пил в одиночестве, мрачный и неприступный, и друзья, зная, что у него неприятности, поначалу пытались расспросить, но, поняв, что он не настроен разговаривать, отстали. Кэ Цзюньцзе, наклонившись к остальным, шепнул так, чтобы Тинфэн не услышал: «Развёлся. Сам хотел, а теперь сидит, как в воду опущенный». Казалось бы, чего ещё желать, ведь он сам столько времени добивался развода, но вместо радости Лу Тинфэн выглядел так, словно его только что бросили. Угрюмый, потерянный, он глушил алкоголь, будто пытался утопить в нём что-то, что не отпускало. Друзья хотели бы утешить, но не решались, и в конце концов просто пили вместе с ним, надеясь, что компания хоть как-то его отвлечёт. В комнате стоял густой запах дорогого виски, смешанный с сигарным дымом.

Когда в комнату вошла Чжао Либин, разговоры на мгновение стихли, и несколько молодых людей из богатых семей, сидевших рядом, тактично подвинулись, освобождая для неё место возле Лу Тинфэна.

— Тинфэн, хватит пить, поехали домой, — мягко сказала она, наклоняясь к нему.

Лу Тинфэн даже не взглянул в её сторону, лишь молча, словно не слыша, поднёс бутылку к губам и сделал ещё один долгий глоток, и только стекло тихо звякнуло о зубы.

Чжао Либин вспыхнула так, что, кажется, даже кончики ушей запылали, и она до боли стиснула пальцы на коленях, пытаясь унять дрожь. В комнате были его друзья, его братья, и все они смотрели на неё, и в их взглядах она читала что-то среднее между жалостью и любопытством.

— У тебя желудок и так слабый, не надо больше пить, — снова заговорила она, стараясь, чтобы голос звучал заботливо и нежно. — Я дома суп сварила, специально для тебя.

Лу Тинфэн промолчал, даже не шелохнувшись. Он смотрел куда-то сквозь неё, и Чжао Либин вдруг почувствовала себя невидимкой, пустым местом в этой прокуренной комнате, где каждый глоток виски был важнее её присутствия. Кэ Цзюньцзе, наблюдавший эту сцену, решил вмешаться, чтобы сгладить неловкость:

— Мисс Чжао, Тинфэн сегодня не в духе. Может, вам лучше поехать домой? Мы тут присмотрим за ним, побудем с ним, попробуем его расшевелить.

Кэ Цзюньцзе, честно говоря, и сам когда-то положил глаз на Чжао Либин, красивую, талантливую, с именем, но когда выяснилось, что она с Лу Тинфэном, он выбросил эти мысли из головы. Однако сейчас он отчётливо видел: отношение Лу Тинфэна к ней изменилось, и изменилось резко. Он стал с ней холоден, почти враждебен. Лучше уж мягко выпроводить её, пока она не наговорила лишнего и не сделала ситуацию ещё хуже.

Чжао Либин, уловив намёк, тактично кивнула, на прощание попросив Кэ Цзюньцзе проследить, чтобы Тинфэн не пил слишком много, и уехала, но ненадолго.

Когда за полночь, около одиннадцати, Кэ Цзюньцзе вывел наконец захмелевшего Лу Тинфэна на улицу, Чжао Либин уже стояла возле своей машины, лёгкая, почти беззащитная в своём тонком пальто, с застывшей на лице тревогой. Морозный воздух курился паром от её дыхания, и снежинки запутались в волосах.

Увидев их, она шагнула навстречу, бережно приняла Лу Тинфэна из рук Кэ Цзюньцзе и помогла ему устроиться на заднем сиденье. Перебросившись с друзьями парой ничего не значащих фраз, она села за руль и плавно вывела машину со стоянки.

В салоне стояла такая тишина, что, казалось, слышно было, как снежинки с тихим шорохом оседают на стекло, и только мерное урчание мотора напоминало, что они ещё живы. Лу Тинфэн, приоткрыв глаза, устало потёр переносицу и, не глядя на Чжао Либин, сказал глухим, пропитанным алкоголем голосом, даже не повернув головы:

— На следующем перекрёстке налево, отвези меня домой.

— Ты очнулся? — она попыталась улыбнуться, и её пальцы, сжимавшие руль, чуть расслабились. — Ничего страшного, мы почти приехали. Ещё немного, и будем на месте.

— Либин, я сказал, отвези меня в мой дом.

На этот раз в его голосе прозвучала неприкрытая резкость, от которой Чжао Либин на мгновение опешила, и в наступившей тишине слышно было только, как дворники с мерным скрипом размазывают снег по стеклу. Она выдавила смешок, стараясь скрыть растерянность, но голос предательски дрогнул:

— С каких это пор ты стал таким щепетильным? Мой дом, разве не твой?

— Вот как? — усмехнулся он в ответ, и от этой короткой усмешки у Чжао Либин мурашки побежали по спине.

Вопрос повис в воздухе и остался висеть, невидимый и колючий, как забытая иголка в подушке. Ответа не последовало, и в маленьком, замкнутом пространстве машины воцарилась тяжёлая, давящая тишина. Они больше не проронили ни слова, пока Чжао Либин не довезла его до виллы.

Когда она попыталась поддержать его, выходя из машины, Лу Тинфэн, чуть заметно отстранившись, выбрался сам, и его пальцы, на мгновение коснувшиеся её руки, были ледяными. Не оглядываясь, он направился к дому. Чжао Либин, чувствуя себя неловко, но не в силах уехать, последовала за ним.

В гостиной, где всё ещё витал слабый запах лаванды, должно быть, от букета, что когда-то поставил сюда Хэ Ян, он, не говоря ни слова, закурил прямо при ней. Вспыхнул огонёк зажигалки, и сигаретный дым тонкой струйкой потянулся к потолку, наполняя комнату горьковатым запахом.

Чжао Либин стояла в нерешительности, не зная, куда деть руки. Таким она его ещё не видела: он казался чужим, и от этого чужого веяло холодом сильнее, чем от входной двери. Наконец, собравшись с духом, она осторожно приблизилась и тихо спросила:

— Тинфэн... что с тобой сегодня? — её голос прозвучал тихо и осторожно, как будто она ступала по тонкому льду.

— Ничего. Просто устал. Тебе пора домой, — он даже не повернул головы, и слова его упали в тишину, как остывший пепел.

— Нет, я же вижу: что-то случилось. — Она шагнула ближе, и её каблук глухо простучали по паркету, нарушив тишину. — Я сделала что-то не так? Скажи, я исправлюсь, — она подалась вперёд, и её тень метнулась по стене, длинная и тревожная.

Он медленно повернул голову и посмотрел на неё в упор. Красивое лицо его было бесстрастно, но в глазах, тёмных и глубоких, таилось что-то, от чего у Чжао Либин похолодело внутри.

— Те фотографии, которые сделали те два папарацци, что ты вызвала... они хорошо получились?

Она замерла, и вопрос хлестнул её по лицу, словно пощёчина наотмашь. Чжао Либин поняла: он знает, и притворяться дальше бесполезно.

— Ты... откуда ты... — выдохнула она, слегка опешив, и тут же поняла, что вопрос глупый.

Лу Тинфэн докурил, затушил окурок в пепельнице, не спеша снял пиджак, переобулся в домашние тапки и только потом, обернувшись к ней лицом, заговорил снова, и голос его звучал устало, но твёрдо:

— Либин, раньше я мог закрывать на это глаза. Ты хотела сниматься, раскручиваться — я не мешал, я даже участвовал в этом. Но ты сама-то видишь, что с тобой происходит? Ты когда-то говорила, что хочешь делать настоящее кино, что мечтаешь о наградах. А теперь? Теперь ты только и думаешь, как бы поднять себе рейтинг скандалами да слухами. А где твоя работа? Где твои роли?

Он не кричал. Ни одного резкого слова. Но каждое его слово падало в тишину, как камень в ледяную воду, и этот глухой, неотвратимый звук отдавался у Чжао Либин где-то под ложечкой.

Чжао Либин молчала, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный узел. Она и сама всё понимала. Но как объяснить человеку, который никогда не нуждался, что такое индустрия развлечений? Что как только ты пробуешь сладкое — славу, деньги, внимание, — возвращаться к горькому уже невозможно.

Она любила сниматься, любила до дрожи, до боли в костях после изнурительных смен, когда кажется, что сил уже нет, но ты встаёшь и идёшь дальше. Однако актёрская работа, это не только творчество, а постоянная борьба: падения, порезы, ушибы, тепловые удары и обморожения, бесконечные дубли, когда режиссёр кричит «ещё раз», а ты уже не чувствуешь ни рук, ни ног. Она через это прошла, выжила, выкарабкалась, и когда её талант наконец оценили, когда посыпались премии и контракты, она поверила, что достигла вершины.

Ненадолго.

Потому что на смену старым кумирам всегда приходят новые, кто-то более талантливый, более молодой, более везучий, и вот ты уже не на вершине, а где-то внизу, и тебя никто не замечает. Её упорство, её труд, её ночи без сна, всё это оказалось пылью перед их напором. Они легко отбирали у неё роли, ресурсы, славу, и никто не вступался, потому что у них были покровители, а у неё не было.

Вот она, правда шоу-бизнеса: можно выкладываться на все сто, можно работать на износ, но без мощной поддержки тебя сомнут, растопчут, выбросят на обочину, и никто даже не оглянется, никто не вспомнит, как ты когда-то блистала.

Она не смирилась с этой несправедливостью, она возненавидела её всей душой, возненавидела тех, кто отнимал у неё её кровное, её законное. И тут, словно по заказу судьбы, снова появился Лу Тинфэн, и она узнала его настоящее происхождение, его реальные возможности, и агент, старый лис, шепнул пару слов, которые всё расставили по местам.

Она наняла папарацци, организовала утечки, «случайные» ужины и светские вечеринки, и вот уже их фото замелькали на всех сайтах, в топах новостей, в каждом телефоне. С тех пор ресурсы перестали уплывать из рук: к ней вернулось уважение, а вслед за ним и новые рекламные контракты, один за другим, и она снова почувствовала себя живой.

Она распробовала эту сладкую жизнь до дна, и возвращаться к прежней, к той, где нужно было драться за каждую крошку, она больше не хотела.

Лу Тинфэн был для неё не просто покровителем: он был её будущим, её карьерой, её единственным шансом выбраться из этой мясорубки навсегда. Упустить его значило потерять всё.

Ставка, от которой не отказываются, даже если для этого нужно поставить на кон саму себя, и, глядя на удаляющуюся спину Лу Тинфэна, она слушала, как его шаги затихают в глубине дома, и видела, как тень его мечется по стенам, пока не растворилась в темноте. Внутри закипала холодная, отчаянная решимость, готовая смести любые преграды на своём пути, и, когда шаги Лу Тинфэна окончательно стихли, она наконец выдохнула, долго и со свистом, как выпускают пар из перегретого котла.

<http://bllate.org/book/16098/1572340>